

Митинг «Допускай», 27 июля 2019 год, Москва / Евгений Фельдман для «Медузы»

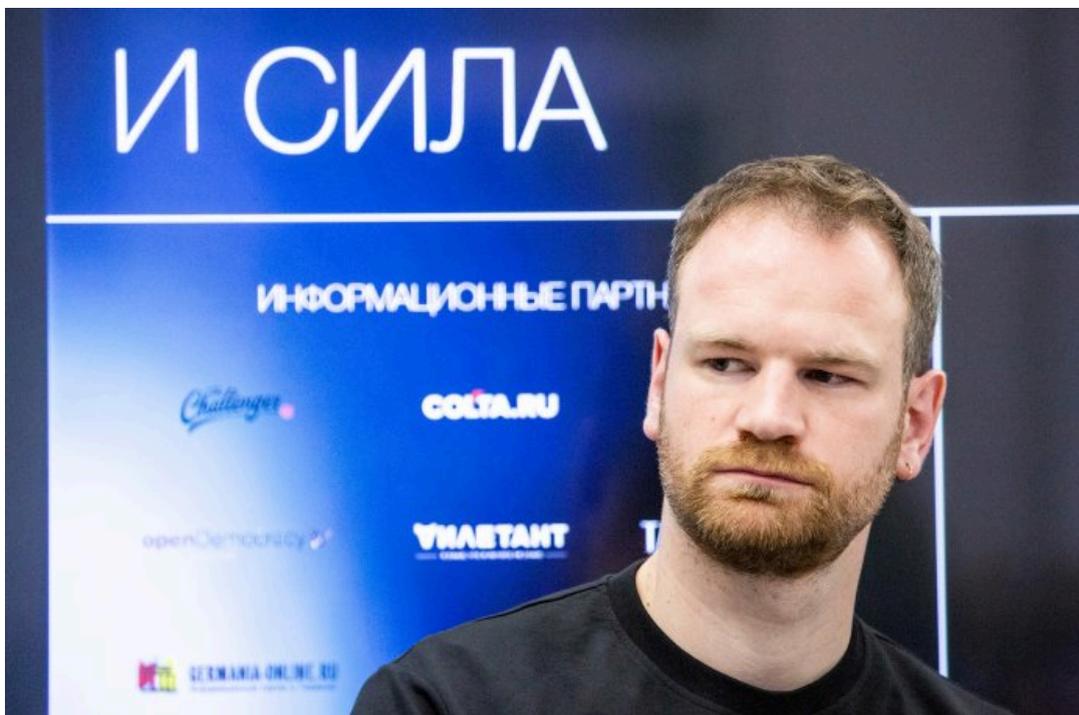
02.07.2020, 17:56 [Вся Россия](#)

[СТАТЬИ](#)

[Уголовное] право на протест: где грань между мирными акциями и массовыми беспорядками

В России массовые протестные акции часто кончаются силовым разгоном мирных протестующих. Полицейские необоснованно применяют насилие, но фигурантами уголовных дел становятся не они, а демонстранты. Так появились [«болотное»](#), [«московское»](#), [«ингушское»](#) дела. ОВД-Инфо спросил экспертов, где проходит грань между протестующим и участником массовых беспорядков с точки зрения российского права, международного и в общественном сознании.

ГРИГОРИЙ ЮДИН. ПРОФЕССОР МОСКОВСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Григорий Юдин / Фото: Шанинка

Нет никакого «общества». Важно, могут ли те или иные группы отождествить себя с протестующими или нет.

На примере протестов в Москве в прошлом году: молодые россияне скорее отождествляли себя с протестующими и потому относились к ним с сочувствием, а пожилые — не понимали мотивацию протестующих и были склонны поддерживать полицию. На примере протестов в США: люди в России чаще всего не очень хорошо представляют себе особенности жизни в Америке, и потому им трудно отождествить себя с американскими протестующими. Зато с владельцами магазинов — просто (во время протестов против расовой дискриминации в США некоторые магазины **были разграблены** — ОВД-Инфо).

Другой важный фактор — общее восприятие протеста как политического действия. В России долгое время доминировала контрреволюционная пропаганда, связывающая любые протестные акции со стремлением к кровавому захвату власти. Сейчас она слабеет и действует в основном на пожилые группы. В других группах протестное поведение постепенно нормализуется.

СЕРГЕЙ ДАВИДИС, ЮРИСТ, РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОГРАММЫ ПОДДЕРЖКИ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ ПЦ «МЕМОРИАЛ»

Сергей Давидис на встрече в Сахаровском центре / Фото: [Василий Петров](#)

Есть руководящий принцип по свободе мирных собраний ОБСЕ, который довольно подробно регламентирует все вопросы, связанные с мирными собраниями. Условия правомочности и неправомочности применения силы там тоже оцениваются. Эти руководящие принципы учитывают

и позицию Венецианской комиссии, и практику ЕСПЧ. И плюс конкретные дела — в частности, по России, по «болотному делу», — которых очень много.

Сами нормы просто говорят о том, что правомерен ненасильственный протест — мирная реализация права на свободу собраний. И ограничения допустимы только, как это говорит Европейская конвенция [по правам человека], на основании закона — в целях защиты значимых интересов. Они там перечисляются, и эти цели должны быть необходимы в демократическом обществе.

Совокупность этих положений, пропущенных через практику Европейского суда, позволяет делать некие выводы на этот счет. И мы видим конкретные решения — например, по «болотному делу» (фигурантам дела присудили компенсации в ЕСПЧ — *ОВД-Инфо*) и другие, связанные с такого рода пограничными ситуациями.

По сути, речь идет о том, что если возникает такая коллизия, что есть некое насилие, связанное с реализацией права на свободу собраний, — важно, во-первых, кто преследуется.

Если преследуется человек, который непосредственно применил насилие, — это одно. Если преследуются другие лица, которые там находились, — это другое, и это недопустимо. Такая практика в связи с «болотным делом», по которому большой массив решений ЕСПЧ уже вынесен, она есть. Все собрание в целом не утратило мирного характера от того, что там кто-то применил насилие.

Но если мы говорим о людях, которые каким-то образом насилие все-таки применили, то тут уже вопрос, скорее, не в праве на свободу собраний как таковом.

В общем и целом ни в какой конвенции не написано, что можно бить полицейских. Но в то же время здравый смысл и конкретное проявление права на справедливый суд

и нормы отечественного законодательства, которые учитываются международными органами, в частности, ЕСПЧ, — они предполагают, что существуют категории необходимой обороны. Существуют категории крайней необходимости. Анализируя, при каких обстоятельствах имело место предполагаемое насилие в отношении полицейского, надо, во-первых, учитывать эти факторы, во-вторых, учитывать степень опасности действий, которые имели место.

Ну вот если мы возьмем один из эпизодов «большого московского дела» — когда человека осудили за то, что он толкнул полицейского, который колотил лежащих на земле юношу и девушку.

Очевидно, что хотя насилие было применено — толкание в широком смысле это тоже насилие — во-первых, уголовное преследование и тем более лишение свободы абсолютно неадекватно степени общественной опасности этого действия. Во-вторых, очевидно, человек сделал то, что сделал, для того, чтобы предотвратить гораздо более опасное действие полицейского. Неправомерное действие полицейского.

Тут необходим анализ конкретных обстоятельств. Потому что просто сказать, что если полицейские незаконно разогнали мирное собрание, что у нас происходит всегда, то им можно давать силовой отпор — будет, конечно, противоречить нормам права, в том числе, международным нормам права.

Само по себе это все-таки не основание, абсолютно легитимизирующее насилие в отношении полицейских. Хотя, вне сомнения, как это уже было отмечено Европейским судом, ответственность на государстве и полицейских лежит. И они должны за это преследоваться.

[Если говорить о политических репрессиях], то существует Amnesty [International], которые признают узниками совести — это понятие гораздо более узкое [чем политзаключенный]. И об этом и речь применительно к «болотному делу». Несколько человек, в действиях которых было насилие зафиксировано, они так и не признали узниками совести. При том что они не говорили, что вот их правильно посадили.

Они берут только самые **явные и очевидные случаи**. Когда человек незаконно преследуется и при этом фактор ненасилия играет значимую роль. Они исключают из числа узников совести тех людей, которые применяли насилие, призывали к насилию и так далее.

Системный, основанный на формальных критериях **список политзаключенных**, кроме «Мемориала», в России никто не ведет. Поэтому я могу говорить о том, как мы к этому подходим. С одной стороны, имеется право на мирный протест. Действия властей, которые насильственным образом пресекают мирный протест, — они незаконны. Но это не оправдывает любого насилия.

Или вот когда задерживали Навального, года три назад, кто-то оттянул руку полицейского или нечаянно задел его плечом в той потасовке, которую спровоцировали полицейские, налетев на мирно идущего по улице человека. Потому что он якобы участвует в несогласованной акции. Понятно, что это не является вообще умышленным насилием. Про умысел даже говорить невозможно. Разумеется, такие действия должны быть умышленными.

Применительно к Болотной — там были эпизоды, когда некое насилие осуществлялось. Но оно не выходило за [рамки]. Во-первых, в контексте ситуации людям было тяжело оценить и соразмерить свои силы. Когда на вас напали, вы не можете точно проанализировать, где предел допустимых действий. Нападение было

неспровоцированным, незаконным и явным образом посягало на конституционные права граждан. Применение насилия со стороны полиции было чрезмерным, совершенно очевидно. Даже если кто-то в них чем-то кинул, то у них были основания задержать этого человека, а не бросаться колотить сотни людей. И вот тут имела место необходимая оборона.

Это вопрос подробной правовой квалификации конкретных деяний, которые в российском следствии и суде абсолютно ущербны, а мы пытаемся осуществлять так, как этого требует закон. И не в изводе российского суда, а в изводе понимания Европейским судом. Основанного на праве на справедливый суд, на состязательности сторон.

ПАВЕЛ ЧИКОВ, РУКОВОДИТЕЛЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВООЩИТНОЙ ГРУППЫ «АГОРА»

Павел Чиков / Фото: Общероссийский гражданский форум

Когда мы говорим о криминализации протеста, мы должны четко понимать: мы имеем в виду законный протест, который не влечет никакого преследования, или такой, который влечет какое-либо. Прежде всего граница проходит здесь. И эта граница все последние годы двигается. Она смещается в сторону криминализации в широком смысле этого слова.

В последние несколько лет четко видна тенденция на криминализацию одиночных пикетов — чего раньше не было. Единственная форма протеста, которая гарантированно не влекла за собой обязательные административные преследования, — это был одиночный пикет. Сейчас уже не так.

Это усилилось в период карантина, но не началось с этого. Началось это раньше. Поэтому сейчас можно с уверенностью говорить, что любая форма протестной активности с высокой вероятностью влечет за собой административное или уголовное преследование. Нет гарантированных случаев, когда реакции со стороны властей негативной не будет.

Более того. Как мы помним, еще одной как бы гарантией является согласование протестной акции. Есть, и долгое время сохранялась, такая установка, что если активисты и организаторы уведомили администрацию и получили де-факто разрешение на проведение публичной акции, то тогда они, скажем, гарантируют, что не будет задержаний, не будет преследований.

Это не так. Один из последних ярких примеров — это «московское дело». Протестная акция 27 июля в Москве была согласована. Однако это не помешало ни задерживать сотни и тысячи участников, ни возбудить уголовное дело о массовых беспорядках. (Акция 27 июля не была согласована, но власти согласовали акцию 10 августа, на которой также были задержания — *ОВД-Инфо*).

Или вот история с гайд-парками. По идее, они созданы, чтобы там можно было проводить безопасно для участников протестной акции, без какого бы то ни было вмешательства правоохранительных органов. Это тоже не так. Гайд-парки тоже не защищены от возможных задержаний и последующих санкций.

Я думаю, что это не только политически мотивированное применение правовых норм. Ситуация сложнее. Это общий тренд, направленный на ужесточение и криминализацию. То есть то, что раньше было возможным, — можно было предсказывать поведение властей в той или иной ситуации — сейчас становится рискованным.

Если организаторы согласовали [акцию], это не означает, что не будет [преследований]. Если человек вышел на одиночный пикет, не требующий согласования — это не гарантирует [безопасность]. На сегодняшний момент нет ситуаций, [при которых протест был бы безопасен].

